

MUSICUS

ВЕСТНИК
САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОЙ
ГОСУДАРСТВЕННОЙ КОНСЕРВАТОРИИ
ИМЕНИ Н.А. РИМСКОГО-КОРСАКОВА

Подписной индекс в каталоге Почты России **П6982**

№ 3 (67) • июль • август • сентябрь • 2021

Учредитель и издатель:

Санкт-Петербургская
государственная консерватория
имени Н. А. Римского-Корсакова

Журнал зарегистрирован
в Федеральной службе по надзору
в сфере массовых коммуникаций, связи
и охраны культурного наследия
Свидетельство о регистрации средства
массовой информации ПИ № ФС77-30963

Главный редактор

Марина Владимировна МИХЕЕВА

Редакционный совет

Наталья Александровна БРАГИНСКАЯ
Андрей Владимирович ДЕНИСОВ
Ирина Степановна ПОПОВА

Отдел распространения, разработка логотипа, редактор

Л. П. МАХОВА

Дизайн и верстка

Ю. Л. НОГАРЕВА

Фотограф

В. Ю. КОНОВАЛОВ

Адрес редакции

190068, Санкт-Петербург, ул. Глинки, 2, литер А.
Тел.: +7 (812) 644-99-88
E-mail: edition@conservatory.ru
<http://www.conservatory.ru>

Подписано в печать 30.08.2021 г.
Формат 60×84 1/8. Бумага кн.-журн. Печать
офсетная. Зак. № 19738

Оригинал-макет, электронная верстка выполнены
в Санкт-Петербургской государственной
консерватории имени Н.А. Римского-Корсакова.

Отпечатано в ООО «ФрилансПарк» 199178,
Санкт-Петербург, 5-я В. О. линия, дом 70,
литера А, помещение 52Н. Тираж 120 экз.

Статьи, поступающие в редакцию, рецензируются.
Мнение редакции не всегда совпадает
с мнением авторов материалов. За публикацию
предоставленных в редакцию материалов го-
норары не выплачиваются.

Материалы, опубликованные в настоящем жур-
нале, не могут быть полностью или частично
воспроизведены, тиражированы и распростра-
нены без письменного разрешения редакции.

© Санкт-Петербургская государственная
консерватория имени Н. А. Римского-Корсакова

Содержание

Юбилей

К 130-летию со дня рождения С. С. Прокофьева

И. Райскин. Опять об Прокофьева!	3
Мой Прокофьев (Е. В. Иванова-Блинова, Е. В. Петров, С. В. Плешак, А. В. Танонов, Н. Ю. Мажара, С. В. Нестерова, И. С. Воробьев)	6
Д. Вишнева. «Я — Золушка» и «Я — Джульетта»: моя работа над образами в балетах Сергея Прокофьева	10
Л. Корчмар. Судьба «Игрока»: к истории сценических редакций оперы С. С. Прокофьева в Мариинском театре	18
Ю. Лебедев. «Непонятная футуристическая музыка». Второй фортепианный концерт Сергея Прокофьева	26
П. Грачёв. Об опере «Семен Котко» С. Прокофьева. Подготовила М. Михеева	31
М. Щербак ова. «Игрок». Первая редакция оперы. Автограф в библиотеке Мариинского театра	33
М. Аплечева. С. Прокофьев. «Пять стихотворений А. Ахматовой» в интерпретации К. В. Изотовой	37
Н. Савкина. Танатос в оперном творчестве С. С. Прокофьева	41

Музыка и судьба

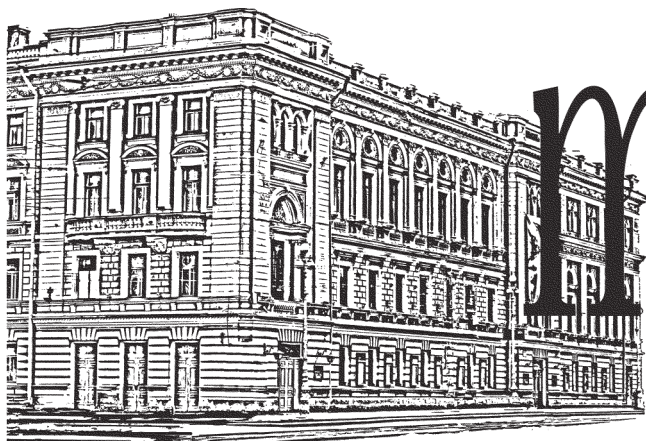
Б. Табуреткин. Вильгельм Вурм — основоположник российской школы игры на трубе и его окружение	48
Р. Петров. Чуткое сердце тромбониста Иосифа Гершковича	55

In memoriam

Памяти Татьяны Сергеевны Бершадской (А. В. Денисов, П. А. Чернобривец)	61
Наши авторы	68

В оформлении обложки использованы материалы виртуальной выставки «Сергей Сергеевич Прокофьев. К 130-летию со дня рождения», подготовленной сотрудниками Научной музыкальной библиотеки Санкт-Петербургской консерватории

Редакция журнала выражает благодарность руководителю литературно-драматической части Михайловского театра Екатерине Яковлевне Рябкиной за предоставленные фотоматериалы оперы С. С. Прокофьева «Война и мир» (см. внутренний разворот обложки)

MUSICUS

QUARTERLY
OF THE SAINT PETERSBURG
RIMSKY-KORSAKOV
STATE CONSERVATORY

Subscription index in the *Russian Post's* catalog: П6982

№ 3 (67) • july • august • september • 2021

Founder/publisher:

Saint Petersburg Rimsky-Korsakov
State Conservatory

The magazine is registered by the Federal Service
on Supervision in the Sphere of Mass Media,
Communication and Cultural Heritage Protection.
Registration certificat of mass information
medium ПИ № ФС77-30963

Editor-in-Chief

Marina MIKHEEVA

Editorial Council

Natalia BRAGINSKAYA
Andrey DENISOV
Irina POPOVA

Distribution Department, development Logo, editor

L. MAKHOVA

Design and imposition

Y. NOGAREVA

Photographer

V. KONOVALOV

Editorial Board address:

2 liter A Glinki St., St. Petersburg 190068, Russia
Tel.: +7 (812) 644-99-88
E-mail: edition@conservatory.ru
<http://www.conservatory.ru>

Signed to print 30.08.2021

Size (format): 60×84 1/8. Book/magazine paper.
Offset print.

Print model and electronic imposition
accomplished at the Saint Petersburg
Rimsky-Korsakov State Conservatory.

Printed in the Freelance Park LLC, 5th V. O. line,
house 70, letter A, room 52N, St. Petersburg,
199178, Russia.

Circulation: 120 copies.

*Articles submitted to the magazine undergo peer
reviewing. The Editorial Board's opinion may not
coincide with the author's. No royalties are paid
for publication of the materials.*

*Materials published in this magazine may not be
reproduced, circulated or distributed, completely or
partially, without Editorial Board's permission given
in written form.*

© Saint Petersburg Rimsky-Korsakov State
Conservatory

Contents

Jubilee

To the 130th anniversary of Sergey Prokofiev's birth

I. Ra i s k i n. That Prokofiev — again!	3
My Prokofiev (E. Ivanova-Blinova, Eu. Petrov, S. Pleshak, A. Tanonov, N. Mazhara, S. Nesterova, I. Vorobyov)	6
D. V i s h n e v a. I am Cinderella. I am Juliet: Sergey Prokofiev's ballets. Characters study	10
L. K o r c h m a r. The destiny of «The Gambler»: to the history of staging editions of S. Prokofiev's opera at the Mariinsky Theatre	18
J. L e b e d e v. «Unintelligible Futurist Music». Second Piano Concerto of Sergey Prokofiev	26
P. G r a c h e v. About opera «Simeon Kotko» by Sergey Prokofiev. <i>Prepared by M. Mikheeva</i>	31
M. S h c h e r b a k o v a. «The Gambler». First edition. Manuscript in the Library of Mariinsky Theatre	33
M. A p l e c h e v a. S. Prokofiev. «Five Poems by A. Akhmatova» in the interpretation of K. Izotova	37
N. S a v k i n a. Images of Thanatos in S. Prokofiev's operas	41

Music and fate

B. T a b u r e t k i n. Wilhelm Wurm — founder of the Russian school of Trumpet playing and his environment	48
R. P e t r o v. The sensitive heart of the trombonist Joseph Gershkovich	55

In memoriam

In memory of Tatyana Bershadskaya (A. Denisov, P. Chernobrivets)	61
Our authors	68

The cover design includes the materials of virtual exhibition "Sergey Prokofiev. To the 130th anniversary of Sergey Prokofiev's birth", prepared by Scientific Musical Library of Saint Petersburg Conservatory

The editors of the magazine would like to express their appreciation and gratitude to the head of the Literary Productions Department of the Mikhailovsky Theatre Yekaterina Ryabkina for the provided photographic materials of Sergei Prokofiev's opera "War and Peace" (see the inside cover spread)

In memoriam

In memory of Tatyana Bershadskaya

Памяти Татьяны Сергеевны Бершадской

АНДРЕЙ ВЛАДИМИРОВИЧ ДЕНИСОВ. Доктор искусствоведения, профессор Санкт-Петербургской государственной консерватории и Российского государственного педагогического университета имени А. И. Герцена

Гармония жизни

Есть воспоминания, над которыми не властно время, и кажется, что запечатленные ими события произошли вчера... Мое знакомство с Татьяной Сергеевной Бершадской состоялось на первой лекции по гармонии у музыковедов Санкт-Петербургской консерватории в 1996 году, открыв совершенно новый взгляд на этот предмет. Он и сейчас остается для меня эталоном. Но после 8 мая 2021, когда Татьяна Сергеевна покинула земной мир, он обрел еще один, более глубокий смысл. Ведь и сама ее биография поражает удивительной *гармонией*, вместившей почти целый век счастья бытия, драматических коллизий, творческих откровений.

Вся жизнь Татьяны Сергеевны связана с Ленинградом. Кстати, именно это имя города было для нее единственно возможным (название «Санкт-Петербург» ею всегда отвергалось), напоминая о страшных днях блокады, которые она провела, спасая его от гибели. Еще в музыкальной школе Таня Бершадская училась у Галины Тихоновны Филенко, впоследствии — выдающегося историка французской музыки, профессора консерва-

The material is dedicated to the memory of an outstanding scientist and professor — Tatyana Sergeevna Bershadskaya (1921–2021), who formed the modern St. Petersburg school of harmony.

Keywords: T. S. Bershadskaya, harmony, school, music.

Материал посвящен памяти выдающегося ученого и педагога — Татьяны Сергеевны Бершадской (1921–2021), сформировавшей современную петербургскую школу гармонии.

Ключевые слова: Т. С. Бершадская, гармония, школа, музыка.

тории; позже в ее стенах занималась под руководством великих педагогов — Юрия Николаевича Тюлина и в аспирантуре у Христофора Степановича Кушнарева. Эти имена представляли безоговорочные авторитеты, хотя их идеи вовсе не были предметом незыблемо благоговейного культа. Скорее, они стали мощным пьедесталом, на котором в дальнейшем было воздвигнуто стройное здание собственной концепции гармонии, поражающей своей безупречной логикой и универсальностью.

Путь к ней был долгим и непростым. Рождалась она в энергичных дискуссиях с коллегами (в первую очередь с замечательными московскими учеными Львом Абрамовичем Мазелем и Юрием Николаевичем Холоповым), многочисленных публикациях (начиная с кандидатской диссертации, посвященной композиционным закономерностям многоголосия русской народной песни), наконец — педагогической практике. Одна из наиболее значимых работ «Лекции по гармонии», выдержавшая множество переизданий, в том числе на иностранных языках, появилась на основе курса, прочитанного в Петрозаводской консерватории (в те годы еще филиала Ленинградской). Она же стала докторской диссертацией, блестяще защищенной в Московской консерватории. Очень активно проходила работа в музыкальном училище имени Н. А. Римского-Корсакова и в родной консерватории: за более чем 60 лет в ее классе было написано огромное количество дипломных работ, а также кандидатских и докторских диссертаций. Среди учеников

профессора — ученые, музыканты, педагоги, известные не только в России, но и за рубежом.

Именно благодаря ученикам Татьяна Сергеевна не боялась обращаться к новым, непривычным для нее темам. Конечно, у нее были свои музыкальные пристрастия. Главный кумир — Бетховен, его портрет висел дома на почетном месте рядом с роялем, безоговорочным было восхищение перед Бахом, Вагнером, Чайковским, Мусоргским, Шостаковичем; неоднократно она признавалась в особенной любви к австрийской традиции (к французской музыке всегда относилась более сдержанно). Однако это вовсе не препятствовало ее воспитанникам заниматься самыми разными направлениями. Среди «героев» их научных работ — композиторы раннего барокко, Гендель, Моцарт, Шуберт, Брамс, Равель, Рахманинов, Слонимский, Мессиа́н, французские спектралисты, Десятников... Список поистине необъятен, он охватывает фактически все эпохи и выдающиеся имена!

В учениках Татьяна Сергеевна ценила самостоятельность и свободу мышления, стремясь преодолеть его инерционность, замкнутость на привычных и потому

удобных шаблонах. Высоко ставя эрудицию и знание источников, она в то же время не уставала напоминать: «избыток информации убивает инициативу». Поэтому занятия часто проходили в дискуссиях и полемике, хотя «переспорить» Татьяну Сергеевну было довольно сложно (об упрямстве профессора в студенческой среде ходили легенды). Но ее сознание было открыто всему новому, поддерживая самые смелые и неожиданные идеи. Впрочем, свобода никогда не допускала легкомыслия и поверхностности суждений. Всякого рода небрежности в рассуждениях, смешение разных понятий (например, «форма» и «жанр»), расплывчатые формулировки исключались. Главная специфика научной школы — стремление всегда видеть исходную природу явлений, лежащие в их основе закономерности, и умение выстроить четкую классификацию, дифференцирующую логически различные категории. Это давало возможность обращаться к научным темам, имеющим универсальное значение, в их числе общая теория лада, сопоставление музыки с различными языковыми системами.

Неудивительно, что Татьяна Сергеевна скептически относилась к слишком поверхностному, «музыколитературному» пониманию истории музыки. В центре последней для нее оказывалась смена разных систем мышления, эволюция глубинных принципов, лежащих в основе музыки как искусства. Неудивительно, что в этом контексте и само определение гармонии было переосмыслено, охватывая область отношений в аспекте одновременной координации звучащих элементов. Выступая против расширительного понимания гармонии в музыке как всеобщей эстетической категории, она предостерегала и против слишком узкой трактовки, ограничивающей ее только музыкой второй половины XVIII века. Ей вообще были чужды всевозможные схематические конструкции, оторванные от живой музыкальной интонационной практики. Так, Татьяна Сергеевна критично отзывалась о бессосновательном использовании математических методов в музыкальной науке (весьма популярном в свое время), в котором за красотой формул нередко скрывалось отсутствие оригинальных мыслей. И это притом, что еще в юные годы она проявила блистательные способности к математике — школьная учительница по этому предмету очень расстраивалась ее выбором в пользу музыки.

Строгая и принципиальная в вопросах человеческой и научной этики, Т. С. Бершадская никогда не была сухим и черствым «кабинетным» ученым. Общась с любым человеком, она с первой минуты покоряла лучезарным обаянием, мощным темпераментом и неиссякаемым чувством юмора. Последнее особенно ярко отразилось в созданных ею кратких стихотворениях, в которых с шуточной иронией воплотились высокие научные категории, меткие портреты коллег и учеников, да и ее собственный образ¹. Эти небольшие поэти-

¹ Одно из таких стихотворений см.: «Отечество — на Театральной, 3» // Musicus. 2021. № 1. С. 16–17. (Прим. ред.)

ческие шедевры обычно читались в «дни открытых дверей» — 4 июля (день рождения) и 25 января (день святой Татьяны). Татьяне Сергеевне не нравилось, когда ее поздравляют по телефону, она предпочитала личное, живое общение. В ответ на звонок в эти дни можно было услышать добродушно-сердитый упрек и призыв поскорее прийти в знаменитый дом на переулке Гривцова. Кстати, символично, что оба праздника завершают дни сессии — летней и зимней, как будто напоминая: и для студентов, и для педагогов после напряженных трудов должна наступить блаженная пора отдыха...

Татьяна Сергеевна любила *жизнь* во всем ее разнообразии — будь то интересный фильм или прогулки по любимому Пушкину, застолье с близкими людьми или яркая музыкальная премьера, футбольный матч «Зенита» или путешествие на теплоходе по Волге. Сохранив до последних дней полную ясность ума, она ни в чем не проявляла уныния, несмотря на уходящие физические силы. С гордостью рассказывала по телефону об успехах своих учеников и о подготовке переиздания работ, к которому успела написать вступительную статью. Волею небес ей суждено было уйти в последний день Пасхальной недели и накануне 9 мая, возвестив всем нам о том, что память о близких людях побеждает мрак и холод смерти.

ПЕТР АНАТОЛЬЕВИЧ ЧЕРНОБРИВЕЦ. *Музыковед, композитор, доцент Санкт-Петербургской государственной консерватории*

Жизнь по законам Гармонии

Есть люди, которые своей деятельностью, самим своим существованием определяют ход событий, без которых развитие (в какой-то определенной сфере, в каком-то определенном направлении) пошло бы по-иному, а возможно, и не было бы столь продуктивным, плодотворным. Казалось бы, традиции, многовековые установки создают почти инерционное поступательное движение вверх, к очередным достижениям, к утверждению новых вершин. Однако вдруг наступает странное время: движение замедляется, явно ощущается торможение, а далее все застывает в каком-то угнетенном сне. Причины сего подчас трудно объяснимы... Но чаще всего мы понимаем: есть одна, достаточно простая причина: в этот депрессивный период нет значимой яркой личности, концентрирующей в себе наиболее активное устремление, либо она скрыта и не проявляет себя в полную силу.

Во время очевидного подъема, восхождения нам кажется, что присутствие (рядом с нами — здесь, вблизи) Духовного лидера, его постоянное, настойчивое воздействие — есть что-то закономерное, само собой разумеющееся. И лишь тогда, когда мы неожиданно перестаем ощущать (почти физиологически) его влияние,

приходит осознание: насколько уникальным, неповторимым был этот человек.

В нашей (Ленинградской – Санкт-Петербургской) музыкально-теоретической школе в течение длительного и славного периода однозначно выделялись подобные знаковые фигуры. И ее гармоническая «ветвь» не являлась исключением. Более того, эта ветвь периодически «подпитывалась» за счет воздействия научных взглядов, прогрессивных идей музыковедов, казалось бы, не занимавшихся вплотную проблемами гармонической организации. Так, сама Татьяна Сергеевна была одновременно ученицей откровенного «гармониецентриста» Юрия Николаевича Тюлина и полифониста, но также исследователя, открывшего новые горизонты в области изучения монодии, Христофора Степановича Кушнарева. Именно этот «симбиоз» во многом предопределил позиции Бершадской, наиболее существенные положения ее теории. Таким образом, она стала «наследницей» Традиции, а также тех ученых, которые ее олицетворяли, поддерживали, развивали в предшествующее (сопряженное) время. Следует подчеркнуть (и это принципиально!), что речь идет не только о традиции научной. С ней неразрывно связана традиция преподавания так называемой практической гармонии, с уникальной культурой — музыкального анализа, погружения в многочисленные детали, определяющие функционирование того или иного аккорда, а также нормы классического голосоведения, творческого осмысления музыки, собственно, ее сочинения. И здесь было очевидно влияние не только (и даже не столько) Юрия Николаевича Тюлина, но, прежде всего, Николая Георгиевича Привано, одного из любимых учителей Татьяны Сергеевны.

Бершадская — гениальный музыкант, мыслитель. Но также уникальная, яркая личность. Я узнал ее, когда она была уже в весьма солидном возрасте: более шестидесяти лет. Но в процессе общения это... не подтверждалось. Неиссякаемый поток энергии, активнейшая деятельность, напор, бесконечный и мощный напор... Она олицетворяла Молодость — именно тогда. Реально она была моложе многих своих коллег, которые представляли следующие поколения. Общаться с ней было очень легко: контакт, взаимопонимание (почти без слов) — все это возникло буквально при первой встрече (при том, что в моем случае речь идет о «встрече» волнующегося абитуриента и маститого преподавателя консерватории). Но одновременно она воздействовала авторитарно: буквально все брала в свои руки и в каждый момент диалога (в том числе, с другими музыковедами и со своими учениками) утверждала собственную позицию, убеждала страстно, эмоционально. «Переспорить» ее было практически невозможно; редко кто и предпринимал подобные попытки. На самом деле, она любила спорить: это доставляло ей некое особое удовольствие. Один раз мне удалось ее переубедить — в очень важный момент: когда определялась не только тема, но и центральная идея моей

диссертации. Несколько раз я отстаивал то положение, которое мне казалось ключевым и постоянно встречал отпор: «это никуда не годно, здесь сплошное противоречие, несоответствие аспектов...». Но вдруг, во время очередного занятия, Татьяна Сергеевна посмотрела на меня внимательно и сказала: «Пожалуй, в этом что-то есть...». И с тех пор стала откровенным сторонником данной концепции. Казалось бы, неожиданная, непредсказуемая метаморфоза, но очень для нее характерная. На самом деле процесс был долгим: она размышляла, анализировала, резко критиковала. А окончательное решение приняла быстро: в тот момент уже не было никаких колебаний.

Бескомпромиссность во всем... Те, кто знали Татьяну Сергеевну только в последние годы, пожалуй, возразят: она, скорее, была «мягкой» в своих суждениях и, напротив, при необходимости нередко шла на компромисс. Да, после девяноста лет жизни многие люди становятся более мягкими, а иногда и податливыми. Но ранее... Прежде всего, она была бескомпромиссной по отношению к самой себе, к своим идеям, к своим устремлениям. Ей довольно рано предложили начать преподавательскую деятельность в консерватории. И вполне естественно, что на первом этапе речь шла не о самой «интересной», не о самой «творческой» работе. Она тут же отказалась: «лучше я буду учить теоретиков в училище». Каков был результат — легко предположить. Путь в консерваторию был закрыт надолго; и она

это прекрасно осознавала. Но однозначно желала заниматься только тем, чем была действительно увлечена.

Еще один пример... Будучи в аспирантуре, она была вынуждена сменить научного руководителя: Юрий Николаевич Тюлин, после жесткого конфликта с ректором, демонстративно покинул консерваторию. Ситуация была драматичной. Разумеется, нового руководителя вскоре назначили, но не того, с кем можно было реализовать, воплотить в жизнь идеи, которые уже стали своими, с которыми Татьяна Сергеевна не хотела расставаться. И она вновь отказалась: заявила, что будет писать диссертацию сама. Однако финал в данном случае был счастливым: вскоре возникла возможность заниматься (и писать работу) у Христофора Степановича Кушнарева.

Один из более «поздних» сюжетов (почти анекдотический, но, на самом деле, реальный), показывающий, насколько бескомпромиссной была Бершадская, хорошо известен всем тем, кто приходил к ней на праздники, на традиционные «собрания». Она сама рассказывала эту историю многократно: буквально «смаковала» ее. Речь идет о несостоявшемся поступлении в консерваторию (в качестве музыковеда!) шофера Романова — всесильного партийного функционера, первого секретаря Ленинградского обкома КПСС, «государя» нашего города. Шофер оказался меломаном, играл на гитаре и, соответственно, был убежден, что может и достоин обучаться в знаменитом ВУЗе. Однако на вступитель-

ных испытаниях возникло непреодолимое препятствие в лице Татьяны Сергеевны Бершадской...

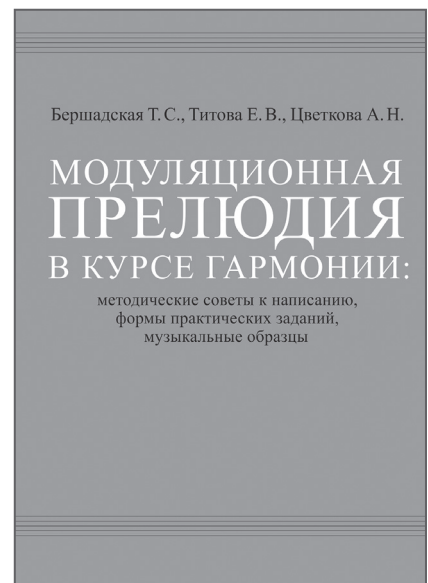
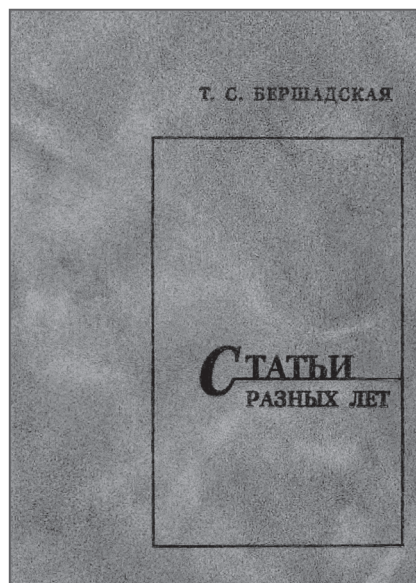
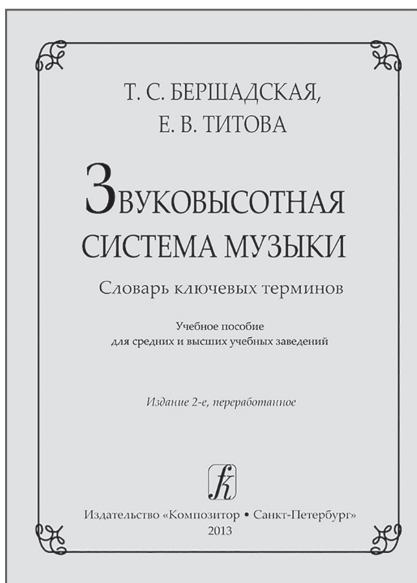
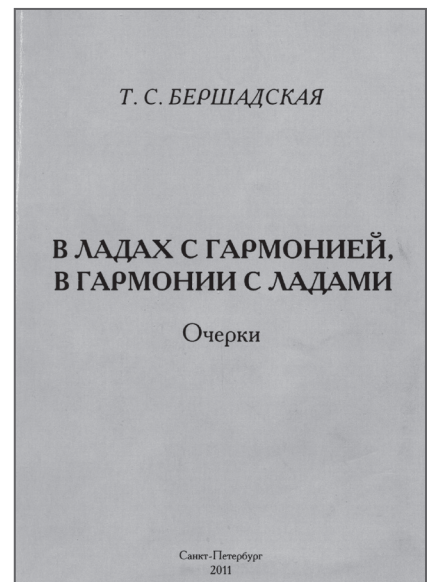
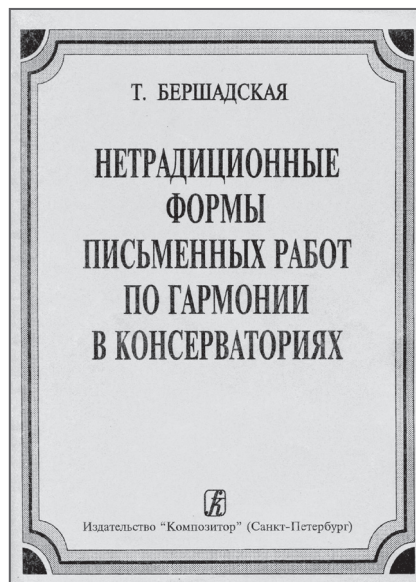
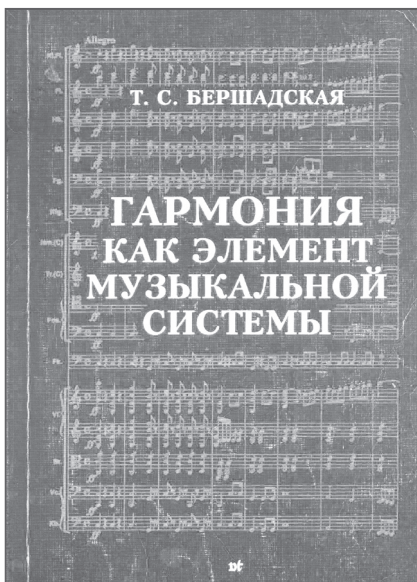
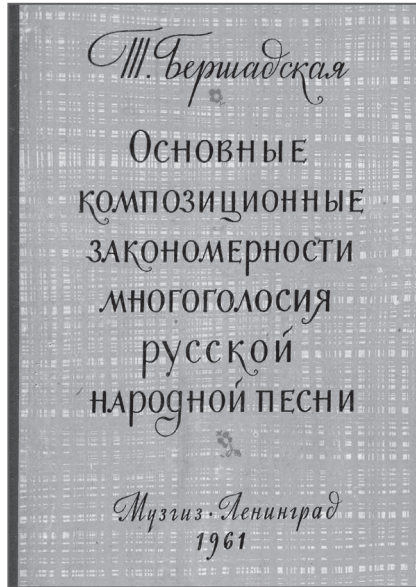
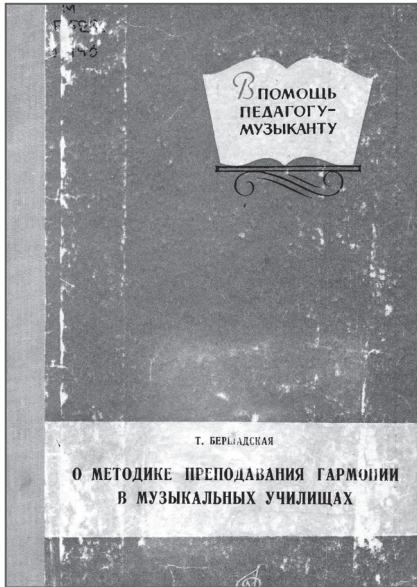
Следствие бескомпромиссности — требовательность. Опять же, в первую очередь, к себе. Но, несомненно, и к другим. В училище студенты некогда называли ее «Зверь-Бершадская». Студенты консерватории также побаивались тех экзаменов, которые она принимала. Экзамены по гармонии были безразмерными, бесконечными, многодневными. Она буквально выпытывала у несчастной жертвы все, что считала необходимым. А необходимым было *понимание* — теории, отправных научных положений, основополагающих терминов. И результат этого сложнейшего, как для обучающихся, так и для преподавателей, процесса был очевиден. В завершении она традиционно говорила: «Поздравляю вас с тем, что вы сдали самый страшный экзамен». И, одновременно, для своих учеников она была просто близким, родным человеком. Это не «дежурные» слова. Она постоянно принимала у себя дома (благо, тому способствовало удобное расположение: недалеко от консерватории). Там нередко проходили занятия, но также вспоминаются (наиприятнейшие воспоминания!) чаепития, беседы, столь же бесконечные, безразмерные, как и экзамены. Этот дом привлекал, притягивал: как магнит. А когда Татьяна Сергеевна уезжала из города, например, в Репино, ее любимые и любящие ученики мчались туда — обычно к ней приезжали на целый день. И, конечно же, все (представители разных поколений) знали друг друга, наслаждались взаимным общением: именно такую атмосферу я застал, когда впервые вошел в сей «круг» в те потрясающие годы.

Каковы были важнейшие педагогические установки Бершадской? Чего она в первую очередь добивалась в процессе воспитания музыканта-теоретика, исследователя? Собственно, слово «музыкант» было ключевым. Это также Высокая традиция, своеобразное претворение идей Римского-Корсакова, старой Петербургской школы. Уже на начальном этапе при знакомстве с учеником для нее определяющим фактором являлось наличие ярких творческих данных. У тебя вялый слух, ты не можешь писать музыку (естественно, в полноценной художественной форме), ты не владеешь инструментом — какой же ты музыковед? Отсюда столь явный акцент на разнообразные творческие формы работы в процессе преподавания гармонии. Следующая установка — поддержка, воспитание, культивирование *индивидуальности*. Ты действуешь по шаблону (пусть корректному, профессиональному), ты думаешь, как все — грош тебе цена! Одно из ее постоянных требований сейчас, пожалуй, приведет многих в ужас, искренне возмутит. На раннем этапе исследовательской работы — по минимуму обращаться к научной литературе! Уже потом, когда сформируются основные взгляды, следует все перечитать и в свете новой информации многое откорректировать. Но «начитаться» сразу, значит поставить своеобразный барьер, преграду для собственных мыслей, попасть в зависимость от чужого

(даже очень значимого, но все равно чужого) мнения. Нередко Татьяна Сергеевна подчеркнуто, деспотически отвергала определенные методы, «дурные» привычки, отучая от них своих питомцев. Не переходить на описательный анализ, бездумную констатацию того, что мы видим в тексте, либо «около» текста. Нет осознанного аспекта исследования — нет и самого исследования. Обращаясь к очередному труду «фиксирующего» музыковеда, она обычно говорила: «Честь ему и хвала...». И я никогда не слышал более пренебрежительного, воистину презрительного высказывания. Не философствовать по поводу музыки (заметим: есть существенное различие между двумя установками — на выявление подлинно философских проблем и философствования, с претензией на некую глубину «осмысления»), не делать акцент на примитивных эмоциях, так называемых «средствах выражения», в попытке легкого и дилетантского «раскрытия содержания». Все эти многочисленные фрагменты студенческих, аспирантских работ, переполненные «вдохновенными» чувственными, quasi-философскими излияниями просто перечеркивались, одним жестом, без дальнейших комментариев. И по прошествии времени, в процессе погружения в проблемы музыкальной эстетики, все более и более осознаешь, сколь она была права. Музыкальная эстетика не терпит примитивизма. В этой сфере есть свой, специфический научный аппарат, в том числе, аналитический. А поверхностные, ничего не значащие замечания при исследовании музыкальной ткани, ладовой организации и прочего лишь уводят в сторону, мешают, не позволяют сосредоточиться на главном.

На кафедре теории музыки, на факультете, который периодически менял названия и содержание (подчас не по принципу улучшения...), Татьяна Сергеевна была знаковой фигурой. Можно уверенно говорить о том, что наше гармоническое учение на протяжении многих лет — это есть учение Бершадской. И также можно смело утверждать, что облик той, Великой кафедры, в определенный период сложился благодаря содружеству — профессиональному, научному и человеческому — Татьяны Сергеевны Бершадской и Екатерины Александровны Ручьевской. Это был счастливый союз: как для них самих, так и для тех, кто был рядом. Они сблизились еще в молодости — две талантливые и перспективные студентки музыкального училища. И, пока они были вместе, наши устои были прочными.

Научное наследие Татьяны Сергеевны не столь велико: мы не увидим бесконечный ряд мелких и средних статей, на близкие или вообще сходные темы. Не так часто она выступала и на конференциях: только тогда, когда чувствовала в этом *необходимость*. Работы написаны лаконичным языком, они предельно концентрированы. Что в них, в первую очередь, поражает? Глубина, музыкальность, точность и наличие жесткой, неоспоримой логики. Точность и логичность — эти слова как будто написаны на «визитной карточке» Бершадской. Ее главные Темы (в ряду многих и многих других) —

музыкальный склад, принципы ладовой организации. Склад и лад, лад и фактура... Как часто фигурировали (и до сих пор фигурируют) эти «пары», уже в большой степени «символические».

Классификация типов музыкального склада, по версии Бершадской, казалось бы, простейшая (моноподический, полифонический, гармонический). Хочется спросить: а как может быть иначе? Но эта простота (а значит, естественность, натуральность) и обеспечивает актуальность, универсальность данной теории. Действительно, сейчас мы понимаем, что иначе и не может быть. Но почему-то раньше никто столь ясно и столь определенно не выразил эту идею. Кроме того, все просто в тех случаях, когда мы рассматриваем однозначные явления. Но на основе той же градации идеально анализируются явления более своеобразные, подчас неповторимые: примеры компромиссного, смешанного склада, полисклада и т. д. И в данных — нередко сложнейших для осознания — случаях теория (которая на первый взгляд кажется элементарной) также безотказно работает.

В процессе изучения лада, ладообразования, Бершадская поставила «очередную точку»; благодаря ее усилиям, ее исследовательскому таланту была достигнута новая вершина, со стабильным, прочным основанием, в рамках традиции Ленинградской–Петербургской школы. Могу сказать по собственному опыту (и многие, я думаю, с чистой совестью «подпишутся» под этими словами): опираться на базовые положения ее концепции удобно, продуктивно, одно удовольствие! Всегда имеешь твердую почву под ногами, но, с другой стороны, всегда можешь варьировать, идти собственным путем, мыслить оригинально, по-своему и внутренне не соглашаться, при погружении в многочисленные детали (на самом деле, значимые, определяющие суть), спорить с Татьяной Сергеевной: так, как она сама любила. И это чрезвычайно важно: при всей «устойчивости», закругленности, ее теория однозначно «раскрыта» — прежде всего, для дальнейшего развития.

Иногда кажется: в этих «сферах» уже все сказано. И даже находишь тому подтверждение в некоторых современных исследованиях (особенно, в исследованиях лада): когда встречаешь «экстравагантные», до болезненности «индивидуализированные» (будто бы проявляется индивидуальность человека с существенными отклонениями) трактовки. Подчас уже перестаешь понимать: что такое вообще «Лад»? И спрашиваешь себя: может быть, действительно, дальнейшее продвижение невозможно... Но потом возвращаешься к положениям той же Бершадской, начинаешь размышлять, а, размышляя, невольно (почти ностальгируя), начинаешь с ней спорить, эмоционально, страстно, однако целиком на нее опираясь(!). И тогда путь вперед постепенно раскрывается...

Да, Татьяна Сергеевна часто спорила, отстаивая свои позиции, а иногда и внутренне утверждая их для

себя. Но один спор был глобальным, он прошел почти через всю ее научную жизнь: это потрясающий, с точки зрения содержания, *взаимной* аргументации, яркого проявления интеллекта (опять же, *взаимного*) спор с Московской школой. И, в большой степени, это был личный диалог с Юрием Николаевичем Холоповым — диалог двух гениев, каждый из которых выражал свою точку зрения: ярчайшую и сильнейшую. Они не сходились во многом. И даже в самых общих определениях. Для Холопова Гармония — всеобъемлющая, во многом, эстетическая категория, для Бершадской — широчайшая, но однозначно ограниченная (в результате строгого разделения аспектов) область познания. Да и частности здесь не были «частными». Приведем хотя бы всем известный пример — отношение к понятиям: «модальная» и «тональная» ладовая система. По этому поводу Татьяна Сергеевна продолжала высказываться даже в последние годы, уже не ведя спор с Юрием Николаевичем, которого давно не было в живых. Сейчас многие выражают сомнение: продуктивно ли подобное противопоставление школ, зачем, собственно, конфликтовать? Но здесь надо понимать, что это не был конфликт в примитивном значении данного слова. У Бершадской и Холопова были не только взаимно уважительные, но и просто потрясающие человеческие отношения. Их суть я по-настоящему понял только тогда, когда увидел их вместе (после лекции Юрия Николаевича, которую он читал в стенах нашей консерватории). Не было никакого конфликта. Но были две мощные концепции. И это прекрасно! Они представляли два противоположных полюса. И так должно быть. В противном же случае, при доминировании (в процессе научного обновления!) одного единственного взгляда, мы будем свидетелями умирания, угасания, на фоне всеобщего благостного повторения и шаблонного воспроизведения.

В завершении одного из последних наших разговоров Татьяна Сергеевна сказала: «Да, сейчас был непростой период, но, теперь, наконец, мне ничего не мешает заняться тем, что по-настоящему интересно, о чем я уже мечтаю; буду писать очередную статью». И это в 99 лет, когда все давалось тяжело, когда было очень плохо со здоровьем, почти каждый день (и это, пожалуй, мягко сказано...), когда она уже, практически, не могла ходить, когда отказывало зрение... Но она действительно этим жила. Она всегда жила своими мыслями, своими Идеями, своими любимыми учениками. И это ее бесконечно поддерживало.

Татьяна Сергеевна прожила долгую жизнь, полную стремлений, поисков, с постоянным движением — вперед, только вперед... Она прожила непростую жизнь (со многими драматическими событиями, в том числе во время войны, в блокадном Ленинграде). Иногда даже кажется прожила не одну жизнь (одна столько не может вместить!). Она будет жить дальше — в нашей памяти, в памяти Школы, в трудах ее последователей. И эта память всегда будет светлой.

- АПЛЕЧЕЕВА Мария Владимировна — певица, доцент кафедры академического хора факультета искусств Санкт-Петербургского государственного института культуры, старший научный сотрудник Центра комплексных художественных исследований при Саратовской государственной консерватории им. Л. В. Собинова, кандидат искусствоведения. E-mail: masha-aplecheeva@yandex.ru
- АПЛЕЧЕЕВА Maria — PhD, singer, Associate professor of the Department of Academic Choir of the Faculty of Arts of the Saint Petersburg State Institute of Culture, senior researcher at the Center for Comprehensive Art Research at the Saratov State Leonid Sobinov Conservatory. E-mail: masha-aplecheeva@yandex.ru
- ВИШНЕВА Диана Викторовна — прима-балерина Мариинского театра, Народный артист Российской Федерации, лауреат Государственной премии России и многих других наград, доцент кафедры режиссуры балета Санкт-Петербургской государственной консерватории им. Н. А. Римского-Корсакова. Сайт: dianavishneva.com
- VISHNEVA Diana — prima ballerina at the Mariinsky Theatre, People's Artist of the Russian Federation, Laureate of the State Prize and holder of many other awards, Associate professor of the Department of Ballet Direction of the Saint Petersburg Rimsky-Korsakov State Conservatory. Website: dianavishneva.com
- КОРЧМАР Леонид Овсеевич — заслуженный артист РФ, дирижер Мариинского театра, заслуженный артист республики Северная Осетия-Алания, лауреат Госпремии республики Бурятия, доцент кафедры оперно-симфонического дирижирования Санкт-Петербургской государственной консерватории им. Н. А. Римского-Корсакова. E-mail: korchmar@mariinsky.ru
- KORCHMAR Leonid — Honored Artist of the Russian Federation, conductor of the Mariinsky Theatre, Honored Artist of the Republic of North Ossetia-Alania, Laureate of the State Prize of the Republic of Buryatia, Associate professor of Opera and Symphony Conducting Department of the Saint Petersburg Rimsky-Korsakov State Conservatory. E-mail: korchmar@mariinsky.ru
- ЛЕБЕДЕВ Юрий Борисович — дирижер, доцент кафедры оперно-симфонического дирижирования Санкт-Петербургской государственной консерватории им. Н. А. Римского-Корсакова. Сайт: jurilebedev.com
- LEBEDEV Juri — conductor, Associate professor of Opera and Symphony Conducting Department of the Saint Petersburg Rimsky-Korsakov State Conservatory. Website: jurilebedev.com
- МИХЕЕВА Марина Владимировна — ведущий специалист по издательской деятельности Редакционно-издательского отдела Санкт-Петербургской государственной консерватории им. Н. А. Римского-Корсакова, главный редактор журнала «Musicus», кандидат искусствоведения. E-mail: edition@conservatory.ru
- MIKHEEVA Marina — PhD, Leading Specialist in Publishing of Editorial and Publishing Department of the Saint Petersburg Rimsky-Korsakov State Conservatory, Editor-in-Chief of the Musicus journal. E-mail: edition@conservatory.ru
- ПЕТРОВ Ростислав Эдуардович — тромбонист, артист оркестра Михайловского театра, преподаватель Детской музыкальной школы № 9 Санкт-Петербурга. E-mail: mr.spt54@mail.ru
- PETROV Rostislav — trombonist, artist of the Orchestra of the Mikhailovsky Theatre, teacher of the Children's Music School № 9 in St. Petersburg. E-mail: mr.spt54@mail.ru
- РАЙСКИН Иосиф Генрихович — главный редактор газеты «Мариинский театр», председатель секции критики и музыкознания Союза композиторов Санкт-Петербурга. E-mail: eiraiskin@mail.ru
- RAISKIN Iosif — Editor-in-Chief of the newspaper «Mariinsky Theatre», chairman of the section of criticism and musicology of the St. Petersburg Composers' Union. E-mail: eiraiskin@mail.ru
- САВКИНА Наталия Павловна — музыковед-историк, доцент кафедры истории русской музыки Московской государственной консерватории им. П. И. Чайковского, кандидат искусствоведения. E-mail: nsavkina@mail.ru
- SAVKINA Natalia — PhD, historian musicologist, Associate professor of the Department of Russian Music History at Tchaikovsky Moscow State Conservatory. E-mail: nsavkina@mail.ru
- ТАБУРЕТКИН Борис Федорович — доцент кафедры медных духовых и ударных инструментов Санкт-Петербургской государственной консерватории им. Н. А. Римского-Корсакова. E-mail: boris_taburetkin@mail.ru
- TABURETKIN Boris — Associate professor of the Brass and Percussion Instruments Department of the Saint Petersburg Rimsky-Korsakov State Conservatory. E-mail: boris_taburetkin@mail.ru
- ЩЕРБАКОВА Мария Николаевна — доктор искусствоведения, профессор кафедры истории русской музыки Санкт-Петербургской государственной консерватории им. Н. А. Римского-Корсакова, начальник отдела нотных фондов Мариинского театра. E-mail: cml@mariinsky.ru
- SHCHERBAKOVA Maria — DSc, PhD, Professor of the Russian Music History Department of the Saint Petersburg Rimsky-Korsakov State Conservatory, Chief of the Department of musical funds of the Mariinsky Theatre. E-mail: cml@mariinsky.ru